

ПРИКЛАДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ МОЛОДЕЖНО-СПОРТИВНЫХ СУБКУЛЬТУР. АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАПАДНЫХ «ОБРАЗЦОВ»

ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ Алексей Анатольевич
 Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК), Москва
 Заведующий кафедрой философии и социологии, доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент

PEREDEL'SKY Alexey
 Russian State University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism (GTSOLIFK), Moscow
 Head of the Department of Philosophy and Sociology, Doctor of Education Science, Ph.D., Associate Professor

АЛЕКСЕЕВ Александр Геннадьевич
 Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК), Москва
 Аспирант кафедры педагогики

ALEKSEEV Alexander
 Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (GTSOLIFK), Moscow
 Aspirate the Department of Pedagogy

Ключевые слова: субкультура, подростковые банды, футбол.

Аннотация. В статье анализируются идеологические установки и религиозно-политический характер деятельности молодежных субкультур, прямо или косвенно связанных со спортом.

APPLIED REALITY, RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM OF YOUTH SPORTS SUBCULTURE. ANALYSIS DOMESTIC AND FOREIGN «SAMPLE»

Keywords: subculture, teenage gangs, football.

Abstract. The author analyzes ideological orientations, religious and political nature of youth subcultures, directly or indirectly related to sports.

Введение. Отмечается, что для каждой молодежной субкультуры характерен свой набор атрибутики, символики, культовой ритуальной практики, обусловленный ими язык (сленг) и нормы поведения, определяющие принадлежность человека к группе, его статус в групповой иерархии.

Принято считать, между тем, что, например, «гопники» и подобные им криминальные субкультурные группировки не имеют ни своей идеологии, ни ритуалов, ни кодекса, ни норм поведения. Однако, так может считать лишь тот, кто никогда не сталкивался с «гопниками» на постоянной основе как включенный наблюдатель или посвященный очевидец. Трудно сказать, когда и почему возникает

воровской культ и кодекс воровской чести, но они, несомненно, есть.

Существовали и существуют воровские цеха и гильдии, кварталы и трущобы, поминающие в своих молитвах бога воровского промысла и удачи – разного для разных народов. Другой вопрос, что весь ритуал и воровская идеология «работает» лишь по отношению к «посвященным в братство», причем имеющим в нем силу и авторитет. Одно можно сказать, очевидно – как в любой религиозной секте у воров и бандитов (если это не полные отморозки) существует четкое деление на «своих» и «чужих». По отношению к последним «закон не писан» и «все средства хороши».

Основная часть. Не больше понимания, чем в случае с криминальными субкультурами, многие авторы демонстрируют при рассмотрении «люберов» и других субкультур, якобы ориентированных на коммунистическую идеологию. Атеизм, превращенный в воинствующую сектантскую религию, в культ вождей, несет в себе не толерантность, а острую нетерпимость, ненависть ко всем инакомыслящим. В таких условиях значки с изображением вождей, любые символы и атрибуты выходят за рамки светских знаков и превращаются в носителей фетишизма, тотемизма, магии, шаманизма и прочих примитивных ранне религиозных форм.

Эзотеризм «люберов» подогревался и культивировался запретом на культуризм (то, что местные власти «закрывали на это глаза», роли не играет) [3]. В СССР того времени за занятия и особенно за выступления культуристов могли задержать и обвинить в аморальном поведении и нарушении правил и норм поведения в общественных местах. Такие случаи бывали, и приводило это лишь к тому, что культуристы замыкались в своей групповой нетерпимости, в мрачных подвалах, создавая новый сектантский культ – культ культуризма. Культуризм стал богом «люберов», качалки превратились в их храмы, поездки в Москву освящались как религиозные шествия, акции – как жертвоприношения. Уход из «дела» «стариков», то есть взрослых расудительных спортсменов только ухудшил ситуацию. Новички не стали учениками - продолжателями. Они превратились в неофитов, в адептов веры, в фанатиков.

Приблизительно такая же метаморфоза постигла спортивных ультрас или организованные группы поддержки спортивных команд. Только в этом случае огромную роль сыграли элементы фетишизма и магии.

В статье «Дело о подростковых бандах» Кирилл Новиков дает краткий обзор истории подростковых субкультур западного (в основном, англоязычного) мира за последние два столетия. Что интересно? Описывая причины всплесков подростковой молодежной преступности, Новиков каждый раз упоминает экономические трудности государственных масштабов (кризисы, депрессии, безработицу) и связанные с ними обострения конкурентных отношений между коренным населением и эмигрантами. У автора статьи именно экономические спады влекут за собой межнациональные конфликты, выливающиеся в настоящие уличные войны с массовыми убийствами. Ни политические, ни тем более религиозные факторы почему-то внимание автора

не привлекают, хотя рассматриваются или угадываются практически во всех описанных эпизодах столкновений между социальными группами разных политических пристрастий, вероисповеданий или разных национальных версий одной религии. Давайте анализировать.

В 1845 г. в Ирландии разразился картофельный голод, погнавший толпы ирландских эмигрантов в Англию, Шотландию, Америку. Активизация агрессивных молодежных субкультур в шотландском Глазго приходится на эти же годы. Столкновения ирландских и английских футбольных болельщиков, перерастающие в массовые беспорядки, фиксируются в английском Дерби в 1846 г. Манчестерские скаттеры («бегуны» или «ослиные челки») – выходцы из рабочих трущоб индустриальных городов – это также причудливая смесь различных вероисповеданий (католики, протестанты), воюющих между собой и с коренным населением с 1870-х по 1890-е годы. В середине 90-х в лондонском районе Ламбет с «местными» схлестнулась ирландская группировка «Парни О'Хулигена» (по этому имени была названа волна молодежного насилия – «хулиганство»). С 1850-х годов в США, на улицах Нью-Йорка гремели битвы между бандами англосаксонских протестантов, именуемых «Парни из Бовери» и ирландскими группировками «Тараканья стража» и «Мертвые кролики». Ирландцев вел главарь под кличкой «пастырь» (преподобный, проповедник, священник).

Лучшим аналитиком происходящего, как ни странно, выступил не социолог или политик, а режиссер фильма «Банды Нью-Йорка» Мартин Скорсезе, ясно и наглядно показавший религиозную подоплеку кровавых разборок между фанатиками индустриальных сект.

В 1919 г. в Чикаго разгорелись войны между чернокожим населением черных гетто (трущоб) и белыми социальными атлетическими клубами. И снова социологический анализ, на этот раз Фредерика Трэшера в 1927 г. проходит мимо как религиозного, так и политического фактора, акцентируя внимание на спонтанности, естественности объединений молодежи, для которых драка со сверстниками с соседней улицы выступает нормальным явлением. Дальше все якобы идет своим чередом: развивается чувство локтя, появляются свои традиции, выдвигаются неформальные лидеры, идет развитие через конфликт, хулиганское перерождение обостряет расовые столкновения. Подобный «социологический анализ» вреден тем, что он напрочь отказывается исследовать существенные характеристики, остается на уровне самых поверхностных обобщений и

создает совершенно абстрактно-иллюзорную картину, полностью как густой туман скрывающую истинную подоплеку социальных катастроф.

Пойдем дальше. В 1940-х годах в США опять «почему-то» (интересно – почему? – автор) обостряется расовый конфликт, теперь уже между еврейскими и ирландскими группировками. В 1950-х годах – новые «расово-экономические» столкновения между коренными американцами и беженцами из Пуэрто-Рико и снова в форме субкультурных войн.

В 1960-х и 1970-х годах в США и в Европе на поверхность анализа субкультурной преступности выплывают наркотики и... футбол. Автор статьи абсолютно верно оговаривается, что во второй половине XX столетия футбол стал лишь предлогом для возрождения уличного насилия. Но дальше снова все пошло по накатанной Новиковым экономической аргументации.

Все же, на наш взгляд, у автора материала «Дело о подростковых бандах» есть масса очень позитивных и далеко идущих замечаний, просветлений, озарений.

Его попытка вывести закономерность происхождения уличной подростковой преступности чуть ли не из средневековых территориальных межцеховых, клановых разборок («а ля» шекспировские «Монтекки» и «Капулетти») не очень состоятельна, но интересна. Ведь также можно рассмотреть и английскую предысторию футбола – игры в «суль» (можно, но не желательно – автор).

У Новикова очень хорошо показано, что репрессии, суды, длительные и пожизненные сроки, даже казни ничуть не снижают, а, наоборот, распалывают накал субкультурных войн, поскольку укладываются в мотивацию их религиозно-сектантского культа смерти, героя, вождя, мученика. Заметим, что в нашей отечественной литературе по-прежнему видят в репрессиях и ужесточении судопроизводства панацею от уличной преступности. Новиков четко на исторических примерах доказывает – нет, это не может, даже совсем наоборот.

Чрезвычайно интересна информация о том, что организация в Манчестере спортивных рабочих клубов по боксу и футболу так увлекла молодежь, что о массовых драках субкультур на несколько десятилетий вообще забыли. Еще сильнее тезис Новикова о неустроенности молодежи как главной причине ее агрессивности, о том, что попытки системной помощи властей, общественности в этом вопросе повсеместно превращали молодых людей в «приемлемых членов общества». Криминал, по

его мнению, подбирает подростков, «брошенных на произвол судьбы».

Другим способом криминализации неформальных группировок выступает их формализация с целью встраивания в политическую систему предвыборной борьбы и черного пиара [4]. Именно на этом пути хулиганы превращаются в уголовников. И очень эффективным механизмом подобного встраивания выступает спорт. Крайне интересен пример с социальными атлетическими клубами ирландцев, организуемыми в Чикаго (XIX в.) демократической партией, где власть захватили представители ирландской диаспоры. Тем самым социальный мир на улицах частично восстановили, но зато добавили молодого криминала в теневые политические процессы, поскольку отныне с политическими оппонентами демократов разбиралась спортивно организованная ирландская молодежь.

Заключение. Почти на полвека (с начала до 60-70 г. XX века) британским властям удалось утихомирить молодежь, приобщив ее к занятиям футболом. Подчеркнем, не к футболу (как пишет Новиков), а к занятиям футболом. А вот играли ли в футбол футбольные европейские хулиганы – новые агенты уличного насилия 60-70 г. – это еще открытый вопрос, на который ответ никто дать даже и не подумал. Сколько фанатов «Ливерпуля», «Ювентуса», «Челси» лично и регулярно занимаются футболом? Нет ответа!

И, наконец, удивительны по своей глубине откровения бывших членов могущественных афроамериканских уличных банд, признававших, что их жизнь, мораль, обычаи, мировоззрение даже для них самих остаются «загадочными и нетронутыми, как у диких племен Африки».

С зачетом последнего материала было бы крайне интересно рассмотреть фетишистско-магические наклонности наших отечественных футбольных фанатов.

Литература

1. Айзенберг К. Футбол как глобальный феномен / К. Айзенберг // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С.91–103.
2. Вакан Л. Социальная логика бокса в черном Чикаго: к социологии кулачного боя / Л. Вакан // Логос. – 2006. – № 3 (54). – С.104–140.
3. Михайлюк Т.В. Основные фазы и циклы в подготовке спортсмена-бодибилдера / Т.В. Михайлюк, А.А. Передельский // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. – 201. – № 2(24). – С. 69-71.
4. Передельский А.А. Спорт и власть / А.А. Передельский // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2010. – №4. – С. 77-79.